
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-14-47

УДК 93/94+902

ИМИТАЦИЯ И СИМУЛЯЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ НАРРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЕВАЛИЗМЕ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И ЕЕ (ДЕ)КОНСТРУКЦИИ

М.В. Кирчанов

Цель. Целью статьи является анализ конструируемого «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина и других американских авторов, формирующих синтетические версии политической, социальной, культурной и религиозной истории Семи Королевств.

Новизна статьи состоит в изучении особенностей исторического нарратива в текстах Дж. Мартина в контекстах его имитации и симуляции средневековой нарративной структуры текста в сочетании с элементами и приемами постмодернистской прозы.

Методология. Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии, предложенных в интеллектуальной и культуральной истории, а также в рамках изучения медиэвализма как синтетической формы массовых представлений о Средневековье в современном обществе потребления.

Результаты. Предполагается, что Дж. Мартин и его соавторы предложили успешную модель имитации средневекового исторического нарратива, симулируя стилистику и нарративные приемы средневековых исторических сочинений. В представленной статье проанализированы проблемы исторического нарратива в контекстах воображения, изобретения, симуляции, имитации, конструкции и деконструкции. Автор анализирует системные темы, формирующие исторический нарратив Дж. Мартина. Автор полагает, что хроно-

логия, религиозность, гетерогенный характер текста, образы Инаковости, наличие героя истории составляют базис имитируемого средневекового исторического нарратива. Показано, что формально тексты Дж. Мартина имитируют стилистику средневековой наррации, но фактически актуализируют потенциал симуляции и имитации современной постмодернистской культуры.

Выводы. В статье показано, что 1) Дж. Мартин и его соавторы воспроизводят условный «средневековый» текст, который фактически является конструктом, 2) анализируемый текст может быть интерпретирован в категориях конструкции, деконструкции, ассимиляции, симуляции и имитации, 3) анализируемый нарратив представляет собой форму деконструкции прошлого, конструируя альтернативные и параллельные образы Средневековья, 4) тексты Дж. Мартина могут быть описаны как попытки ассимиляции академической медиевистики и массового культурного медиевализма.

Ключевые слова: Джордж Мартин; «Песнь Льда и Пламени»; исторический нарратив; историческое воображение; тексты как конструкты

IMITATION AND SIMULATION OF THE MEDIEVAL NARRATIONS IN MODERN MEDIEVALISM: FEATURES OF THE STRUCTURE AND ITS (DE)CONSTRUCTION

M.W. Kyrchanoff

Goal. The goal of the article is to analyze the constructed “medieval” narrative in the texts of George Martin and other American authors, who form synthetic versions of the political, social, cultural and religious history of the Seven Kingdoms.

The novelty of the article lies in the study of the features of the historical narrative in the texts of George Martin in contexts of its imitation and simulation of the medieval narrative structure of the text in combination with elements and techniques of postmodern prose.

Methodology. *Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography proposed in intellectual and cultural history, as well as in the study of medievalism as a synthetic form of mass ideas about the Middle Ages in the modern consumer society.*

Results. *It is assumed that George Martin and his co-authors proposed a successful model for imitation of the medieval historical narrative, simulating the style and narrative techniques of medieval historical writings. This article analyzes the problems of historical narrative in the contexts of imagination, invention, simulation, imitation, construction and deconstruction. The author analyzes the systemic themes that form the historical narrative of George Martin. The author believes that chronology, religiosity, the heterogeneous nature of the text, images of Otherness, the presence of a hero of history form the basis of the simulated medieval historical narrative. It is shown that George Martin's texts formally imitate the style of medieval narration, but actually actualize the potential of simulation and imitation of modern postmodern culture.*

Conclusions. *The article shows that 1) George Martin and his co-authors reproduce a conditional "medieval" text, which is actually a construct, 2) the analyzed text can be interpreted in the categories of construction, deconstruction, assimilation, simulation and imitation, 3) the analyzed narrative is a form of deconstruction of the past, constructing alternative and parallel images of the Middle Ages, 4) George Martin's texts can be described as attempts to assimilate academic medievalism and mass cultural medievalism.*

Keywords: *George Martin; A Song of Ice and Fire; historical narrative; historical imagination; texts as constructs*

Введение

Формулировка проблемы. Историческая наука конструирует свои представления о прошлом при помощи нарративов, которые в комплексе формируют дискурс. Используя эти дискурсы, интеллектуалы прошлого и современные историки предлагали обществу раз-

личные версии истории. Историки оперируют множественными подобными историями, которые могут отличаться методологическими основаниями и временем их создания. В условиях доминирования постмодернизма мы в актуальной культурной ситуации вынуждены использовать не просто и не только истории как нарративы, но и истории как конструкты. Особый тип таких историй представляют те, что созданы в рамках медиевализма – одно из современных направлений массовой культуры [49], основанном на воспроизводстве мифа о Средневековье [9].

Один из нарративных типов в современной массовой культуре представлен в значительной степени меньшим числом текстов, что связано с его нарративными особенностями. Тексты, относящиеся к этому типу, представлены не литературными произведениями, коих в современной массовой литературе, как мы отметили выше, большинство, а имитациями нарратива, играющего не только описательные, но и отчасти индоктринизаторские роли, связанные с формированием исторической идентичности несуществующих «альтернативных вселенных медиевализма» [52], т.е. воображаемых обществ миров, которые, в свою очередь, конструируются в художественных текстах. Таких книг в массовой литературе, точнее – в ее медиевалистском дискурсе, крайне немного.

Наиболее значимыми и одновременно удачными следует, с одной стороны, признать тексты, формирующие канон воображаемой социальной, культурной, политической, военной и религиозной истории мира, конструируемого в произведениях Р. Толкиена [32]. С другой стороны, на современном этапе в истории американской массовой культуры актуальны попытки формирования канона истории Семи Королевств, что связано с развитием воображаемой вселенной, представленной в романах и короткой прозе Джорджа Мартина.

Эти попытки актуализируют особенности различных тенденций формирования исторического нарратива, который, не имея отношения к реальной истории, актуализирует основные формы и проявления исторического воображения как средневековых хронистов и

книжников, так и более поздних историков, которые реинтерпретировали их тексты, воспринимая последние в качестве источников.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будет нарратив «псевдоисторических» текстов Дж. Мартина и его соавторов, актуализирующий основные особенности и закономерности исторического воображения современного общества потребления в контексте его попыток изобретения Средних веков.

Целью статьи является анализ конструируемого «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина и других американских авторов, формирующих синтетические версии политической, социальной, культурной и религиозной истории Семи Королевств.

В число задач статьи входят 1) изучение особенностей и форм имитации и симуляции исторического воображения в анализируемых текстах, 2) выяснение синтетического характера формируемого нарратива, так как дискурсы, которые складываются на его основе, содержат проявления средневекового и модерного исторического знания, и 3) реконструкция механизма селективного отбора «фактов» и «событий», которые позволяют авторам анализируемых текстов имитировать доминирующих в них исторический нарратив позитивистского несмотря на то, что подобные тексты фактически создаются в условиях доминирования постмодерной культуры.

Материалы и методы

Методология. Методологически представленная статья опирается на идеи, предложенные в рамках того интерпретационного механизма, который сложился в современной междисциплинарной историографии в рамках интеллектуальной истории, культуральной истории и археологии идей, при помощи которых могут анализироваться различные типы нарративов. Поэтому «при всём стремлении к объективности историк оказывается в поле нарратива» [24, с. 103].

Такая универсальность нарратива позволяет анализируемые тексты воспринимать как культурные и нарративные конструкторы, которые, интегрируя достижения академической медиевистики, форми-

руют альтернативный по своей природе дискурс, построенный на ассимиляции узнаваемых событий и героев средневековой истории в произведения, предназначенные для массового потребителя, не отягощенного университетскими курсами по медиевистике [40]. Поэтому предполагается, что анализируемые тексты предоставляют их исследователям – от историков-медиевистов до культурных антропологов – широкое пространство для интерпретаций, так как «исторические» реалии / реальности рассматриваемых произведений могут быть одновременно интерпретируемы и объясняемы через призму имагинативного и инвенционистского поворотов в исторической науке, то есть воображаемы и изобретаемы путем как конструкции, так и деконструкции.

Рассматривая тексты Дж. Мартина именно в этом контексте, мы можем предположить, что они оказались не менее важными участниками нарративного поворота [53] в современной гуманитаристике [39] с той лишь разницей от профессиональных историков-медиевистов, что не интерпретировали, но имитировали Средние века при помощи наррации. Французский историк Б. Гене в начале 1980-х гг. констатировал эрозию самого понятия «Средневековье», которого в реальности не существовало, но оно представляло собой интеллектуальный конструкт, сформированный несколькими поколениями интеллектуалов. Поэтому, согласно Б. Гене, «никогда не было духа Средневековья. Кому взбрело бы в голову сунуть в один мешок людей и учреждения VII, XI и XIV столетий?» [38, р. 2]. Дж. Мартин и другие американские писатели-фантасты, успешно реализовали этот деконструктивистский лозунг, не только создав альтернативные имитации средневековых форм наррации для несуществующих обществ, но и сделали то, от чего предостерегал Б. Гене, смешав в альтернативных медиевальных социумах события западной истории Раннего, Высокого и Позднего Средневековья.

Источниковый корпус имитации средневековой исторической наррации. Анализ «средневековых» нарративов в прозе Дж. Мартина и его соавторов, которые успели стать объектом интереса со стороны историков-медиевистов [30], в настоящей статье осно-

ван на источниковом корпусе, ограниченным «Миром Льда и Пламени. Официальной истории Вестероса и Игры Престолов» [43] и «Пламенем и Кровью. Историей Таргариенов, королей Вестероса» [42], изданной к настоящему времени на русском языке в двух томах – «От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III» [11] и «От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III» [12]. Тексты Дж. Мартина в современном каноне медиэвализма [28] занимают особое место. Предполагаемым автором двухтомной истории является мейстер Гильдейн из Староместа [34]. Примечательно, что эти тексты, в отличие от романов, формирующих цикл, получили со стороны американских критиков крайне скептические или негативные оценки, а их мнения варьировались от восприятия «Пламени и Крови» как «бесконечной самодовольной чепухи» [50] до «утомительного» текста и «сухой истории» [46], в которой нет элементов того стиля, который сформировал репутацию Дж. Мартина в предшествующие годы, что указывает на неспособность общества потребления воспринимать медиэвализм в таких не очень ассимилированных формах, которые предлагают повествование, выдержанное в соответствии с канонами массовой культуры, а также имитацию средневекового нарратива, понимание и восприятие которого в значительной степени затруднено для неподготовленного читателя.

В этом контексте важно понимать, что мартиновская «историческая» нарративная имитация средневековья, так как «романы Джорджа Мартина на самом деле не находятся в “средневековом мире” Евразии с ок. с 400 по 1500 год н.э. “Игра престолов” полностью лишена каких бы то ни было аутентифицирующих якорей: это – историческая фантазия... Вместо создания традиционных видов исторической достоверности Мартин использует множество культурных отсылок, которые имеют средневековое “ощущение”. “Игра престолов” является симулякром: чем-то, что не является ни оригиналом, ни копией оригинала – это копия чего-то, что изначально было вымышленным, основываясь на наших исторических ассоциациях... “Игра престолов” – это фэнтезийный симулякр несредне-

вековья» [55]. Словно отвечая на эту критику со стороны профессиональных медиевистов, регулярно использующих оригинальные источники при создании собственного академического нарратива, Дж. Мартин предпринял попытку конструирования своей исторической наррации, призванной, с одной стороны, дополнить его романский цикл, а, с другой, в определенной степени содействуя его легитимации, наделяя воображаемый мир как собственной историей, так и ее источниковым корпусом.

Комментируя роль таких текстов, российский историк О. Кильдюшов, с одной стороны, подчеркивает, что их «дискурсивное пространство» как сфера «общественно-политических высказываний, проекций и импликаций» нуждается в «аналитическом прояснении со стороны социально-теоретического знания» [8, с. 142], что позволит рассмотреть, в том числе, и особенности нарративной структуры этих текстов, претендующих на статус канонических источников по истории того мира, который создан в других художественных произведениях Дж. Мартина. С другой, во внимание необходимо принимать и то, что тексты Дж. Мартина и его коллег хотя и имитируют средневековые формы исторической наррации, но делают это не очень успешно. По мнению российских историков «в массовом современном сознании Средневековье подвергается тотальной мифологизации, и ни одна другая историческая эпоха в этом смысле не может составить конкуренцию Средним векам» [4, с. 179], что осознается современной массовой культурой которая не только регулярно предлагает тексты, воспроизводящие медиевалистский дискурс, но и имитирует средневековые формы рассказа о прошлом.

Поэтому логичнее рассматривать их как стилизации доакадемического интереса к средневековым древностям, что наделяет мартиновский нарратив в большей степени чертами романтического дискурса XVIII и XIX веков [35], нежели реальными особенностями имитируемого средневекового дискурса в сфере историописания, характеристики которого отражены в современной историографии [2]. По мнению российского историка В. Ковалева, «феномен невероятной популярности Средневековья в современной культуре вряд

ли нуждается в доказательстве – скорее, он нуждается в объяснении» [10, с. 15]. Перефразируя эти слова, мы можем предположить, что в изучении и интерпретации нуждаются и те нарративные формы, при помощи которых Дж. Мартин и его коллеги конструируют историю Семи Королевств в ее политическом, социальном, религиозном и культурном измерениях.

Результаты и обсуждение

Хронология как основа наррации. Первый элемент в организации нарратива – хронология, основанная как на преемственности, так и дискретности исторического процесса, которые воображаемыми авторами средневековых нарративов не осознаются, но только интегрируются в событийную канву как парадигму конструирования нарратива. Хронология в конструировании текста крайне важна для осознания того, что некоторыми историками определяется как «смыслопорождающие эффекты нарратива» [19, с. 174]. Если российский писатель Е. Водолазкин относительно своего «медиевалистского» романа «Лавр», указывает на то, что «мечтал о тексте, который бы свидетельствовал об отсутствии времени» [6, с. 130], то воображаемые авторы Дж. Мартина, наоборот, создают другой тип наррации, жестко интегрированный в рамки хронотопа.

Традиционно средневековый нарратив интегрировался в хронологические схемы, отправными точками которых были Сотворение мира или Рождение Христа. Эти две хронологические координаты в целом были интегрированы в преимущественно религиозную модель идентичности средневековых обществ, где анналисты, хронисты, летописцы и авторы других текстов интерпретировали описываемые ими события именно в такой хронологической системе координат. Воображаемые авторы средневековых текстов мира Дж. Мартина оперировали несколькими иными стартовыми точками, от которых велся отсчет исторического процесса. Вместо привязки к событиям религиозного плана, начало истории в воображаемых обществах, созданных американским писателем, связывается с завоеванием Семи Королевств Эйегоном I Завоевателем.

Если, по мнению М. Бахтина, в истории литературы «процесс освоения реального исторического времени и пространства и реального исторического человека, раскрывающегося в них, протекал осложненно и прерывисто. Осваивались отдельные стороны времени и пространства, доступные на данной исторической стадии развития человечества, вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения и художественной обработки освоенных сторон реальности» [3, с. 234], то современная постмодернистская проза от подобных формальных ограничений свободна, что позволяет ее представителям достаточно вольно обращаться как с текстом, так и его хронологической, временной, компонентой. В этой ситуации стало возможно имитировать не только разные восприятия времени, но и различные формы рассказывания о нем, что и привело к появлению текстов, имитирующих особенности исторической наррации, в том числе – и средневековой.

Хронология, которая выстраивала модель истории, основанную на разделении исторического времени на «до Завоевания» (Д.З.) и «от Завоевания» (О.З.) имела в обществе, вообразимом Дж. Мартином и его соавторами, принципиальное значение, так как исторический опыт западного средневековья свидетельствует о том, что «представление о линейном времени было совсем неочевидным для людей той эпохи, потому что они жили в разных моделях фиксации времени, в разных временных моделях. Для них время текло по-разному» [15]. Попытка вообразимого автора исторического нарратива, конструируемого Дж. Мартином, указывает на попытку общества сформировать единые нормы восприятия исторического времени.

Текст, имитируемый Дж. Мартином, уникален в том плане, что датирование его появления в вообразимом средневековье осложнено невозможностью локализовать этот нарратив как раннесредневековый или принадлежащий к зрелому или позднему средневековью. Принимая во внимание предположение российского историка А. Сидорова, средневековые люди «историей стали существенно меньше интересоваться, ее просто стали меньше знать – историю

писаную. Она существовала в устных формах, которые мы сегодня плохо знаем, значительно хуже, чем письменные» [16]. В этом контексте мартиновская имитация исторического нарратива представляется вполне удачной, так как он смог предложить имитацию именно письменного дискурса исторического знания средневекового общества, число потребителей которого было ограничено. Именно в силу имитации средневековой наррации ««средневековый» мир Мартина в “Песне льда и пламени” мало похож на реальное Средневековье в Европе» [35].

Поэтому все события в такой системе отсчета исторического времени определяется в категориях ДЗ и ОЗ, то есть «до Завоевания» и «от Завоевания». В имитируемом Дж. Мартином нарративе завоеванием имеет центральное значение в конструировании хронотопа, хотя и признается, что «такое летоисчисление не может быть точным». Вероятно, именно поэтому текст и открывается пространной декларацией о том, что «для мейстеров Цитадели, пишущих историю Вестероса, Завоевание Эйгона имеет особый смысл. Рождения, смерти, битвы и другие события датируются либо ОЗ (от Завоевания), либо ДЗ (до Завоевания)» [11, с. 5].

Подобная преимущественно политически ориентированная система учета и последовательной локализации исторического времени освобождала воображаемых авторов средневековой наррации от обязательной артикуляции религиозной идентичностью, но делала их зависимыми от политической конъюнктуры. Такая сфокусированность авторов рассматриваемых текстов на хронологической стороне исторического процесса, фактическая актуализация нарратива как рассказа о событиях прошлого может быть описана в категориях реакции на крайности постмодернизма, несмотря на то, что тексты Дж. Мартина принадлежат именно к постмодернистскому литературному канону. Это представляется естественным, если принимать мартиновский текст как постмодернистский. В силу принадлежности к большому постмодернистскому дискурсу Дж. Мартину было бы просто элементарно «тесно», если бы он и его соавторы предприняли попытку имитации анналов. Поэтому

они сделали выбор в пользу более «продвинутой» версии средневековой исторической наррации, когда объем знаний о прошлом и, следовательно, текста «критически увеличивается, а содержание усложняется настолько, что они естественным образом превращаются в полноценные летописи, обретая форму развернутого, хотя и дискретного исторического повествования» [18, с. 15].

Исторический нарратив как совокупность повествовательных практик о королях и войнах, с одной стороны, следует воспринимать не как попытку реставрации позитивистского модуса историописания, но как проявление ностальгии по истории, воображенной в романтической системе координат. Правда, попытки связывать такой вариант конструирования нарратива исключительно с реакцией на крайности в развитии массовой культуры общества потребления [7] являются не очень надежными, так как именно такая модель культуры сделала возможным появление анализируемых форм наррации. Поэтому, «медиевализм связан с современностью через элементы прошлого» [25, с. 45], которые в современном литературном дискурсе актуализируются в рамках имитации средневекового нарратива. С другой, если не игнорировать традицию отнесения «исторических сочинений к литературным произведениям» [13, с. 160], то в этом контексте мартиновский нарратив, несмотря на его фактически конструируемый характер, не маргинален, но отражает сущностные особенности и характеристики исторического воображения. При этом сам Дж. Мартин признает, что гораздо большее влияние на его прозу оказали тексты М. Дрюона [48], а не средневековые источники, что актуализирует принадлежность американского автора к массовой западной культуре. Вместе с тем, К. Ларрингтон полагает, что «строительные блоки мира Мартина взяты из средневековой литературы» [41], не указывая при этом конкретные источники. Некоторые исследователи указывают на то, что «собственное Средневековье Мартина непосредственно связано с политической борьбой, описанной в нескольких самых известных средневековых хрониках» [26], что однако не придает его текстам характеристик средневековой исторической наррации.

Попытка Дж. Мартина «выстроить» нарратив на основе хронологии как центрально категории исторического воображения показательна в контекстах растущего недоверия к постмодернистскому дискурсу написания истории, что редуцирует ее до совокупности конструктов. Дж. Мартин, в свою очередь, «возвращает» читателя к той модели истории, где «время», ассоциируемое с правлениями отдельных королей, было не только центральным элементом исторического воображения, выстроенного в протопозитивистской манере, но и коллективным «героем» нарратива.

Религиозность как компонент нарратива. Второй элемент, который играл одну из центральных ролей, в функционировании средневекового нарратива, – текстуализированная религиозность. Тексты Дж. Мартина актуализируют его попытки показать роль веры в воображаемой им модели Средневековья [51]. История Европейского Запада и Востока знает многочисленные примеры интеграции «религиозного» в исторический нарратив. Западные и восточные модели историописания, если речь идет о христианских обществах, на протяжении средних веков предусматривали только одну легитимную возможность актуализации религиозной идентичности как автора, так и того общества, к которому он принадлежал.

В данном контексте речь идет об идентичности, которая была христианской – католической или православной. Развитие европейского христианского воображения в средневековых текстах неизбежно вело к абсолютизации собственной Самости, что предусматривало формирование и продвижение негативного образа другого в религиозной системе координат. Несмотря на то, что Р. Утц полагает, что «историкам следует писать не только для коллег-профессионалов, но и для широкой публики» [54, р. 1], большинство историков эту задачу игнорируют. Потому форматорами современного медиевалистского дискурса становятся писатели, которые не только пишут о средних веках, но и имитируют средневековые нарративы. Имитация средневекового нарратива в контексте религии в текстах Дж. Мартина и его соавторов не столь удачна как в других случаях.

В имитируемых текстах источников, созданных Дж. Мартином, а также в его романах [33] упоминания религии имеют место, но религиозное редуцировано до фона и самостоятельной роли не играет, будучи формой легитимации политической власти или оправдания насилия [27]. Имитируемая историческая наррация в текстах Дж. Мартина активно актуализирует образы насилия, подчеркивая, что средневековый мир не является «идеальным обществом» [30]. Если на средневековом Западе «Церковь осмыслялась не просто как явление, развивающееся “параллельно” светской власти (иногда конкурируя с ней, иногда сотрудничая), но как важнейший системообразующий институт, главная (а до определенного момента – единственная) мыслимая форма человеческого общежития – “община верных”. Если бы средневековый человек мыслил социальными категориями, он определил бы Церковь как “социальное всё”» [21, с. 53], то мартиновская средневековая наррация основана на восприятии религиозного фактора не более как фона политической истории Семи Королевств в контекстах развития королевской власти.

В отношении религии воображаемый автор ограничивается упоминанием того, что «Старомест был сосредоточием Истинной Веры. Там жил верховный септон, наместник новых богов на земле, духовный отец всех Семи Королевств... Там же помещались два воинских ордена Веры, называемых в народе Мечами и Звездами... король освободил от податей служителей Веры» [11, с. 26, 44]. В другом месте воображаемый «средневековый» автор с чрезмерной терпимостью констатирует, что «на Севере еще почитали старых богов, но в остальных областях Вестероса поклонялись единому богу в семи лицах, и голосом его на земле был верховный септон Староместа» [11, с. 55], хотя история западного средневековья, наоборот, обеспечивает его историков текстами, жестко обличающими язычество. Воображаемый исторический нарратив Дж. Мартина воспроизводит относительно толерантный дискурс в отношении вопросов веры, хотя средневековая Европа актуализирует в большей степени обратный опыт, а элементы терпимости в интеллек-

туальном дискурсе Европы становятся заметны на этапе позднего средневековья или вообще в раннее новое время.

Такой нарратив в формально средневековом имитируемом тексте источника выглядит несколько чуждо, так как предполагаемый автор более чем нейтрален, а степень его религиозности незначительна в сравнении с теми ее проявлениями, в которых она присутствует в средневековых источниках. Поэтому конструируемые средневековые нарративы в воображаемых сообществах Дж. Мартина актуализируют несколько иную модель актуализации религиозного опыта. С одной стороны, религиозные мотивы в исторической наррации анализируемых текстов актуализируют состояние одновременного сосуществования нескольких форм культа: если одни из них были монотеистическими, то другие – языческими. С другой, воображаемый автор не только констатировал одновременное сосуществование различных форм веры, но его отношение к ним было лишено оценочного характера, что является одной из особенностей имитируемого Дж. Мартином и его соавторами средневекового исторического нарратива.

Гетерогенность исторической наррации. Третий элемент в организации «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина – это его непоследовательность и, как следствие, эклектичность, представленная сочетанием традиционной для наррации Средних веков хронологической последовательности и нарратива как интерпретации с претензией на концептуальность и сциентизм. Если рассматривать мартиновские нарративы, имитирующие средневековые формы и модели построения как текста в частности, так и историописания в целом, во внимание необходимо принимать то, что эти наррации фактически являются формой конструкта. А.Л. Стризов, комментируя особенности организации исторического текста, указывает на важность одновременно «дискурсивных стратегий историописания (сказания, притчи, биографии), равно как и литературных жанров (трагедии, комедии, фарса)», которые к источникам «часто не укладываются в классическую сюжетную схему: завязка – кульминация – развязка» [19, с. 175].

Если эта ситуация актуальна для аутентичных источников, в которых подобные структурные элементы, не всегда выделяются, то Дж. Мартин и его соавторы решают проблему радикально, превратив исторический нарратив в художественный текст, построенный в соответствии с канонами постмодернизма. Р. Утц, комментируя особенности интеллектуальной истории коллективных представлений о средних веках, подчеркивает, что в XX веке «профессиональные медиевисты подняли разводной мост между простецами и своей башней из слоновой кости. Теперь все, что люди могли узнать о средневековом прошлом, должно было быть опосредовано и одобрено ими» [22, с. 165], но развитие массовой культуры, ориентированной на удовлетворение запросов общества потребления, которые включали потребность и в средневековых образах, привело к тому, что массовая литература сама ликвидировала лакуну текстов о средних веках, которые не только рассказывали об этом периоде, но и имитировали его нарративные и повествовательные практики.

Поэтому, как полагают некоторые российские историки, тексты проекта предлагают «взгляд на Вестерос как структурно знакомое и отчасти запечатленное в западной культурной традиции пространство европейского позднего Средневековья или раннего модерна» [8, с. 142–143]. Подобная узнаваемость, казалось бы, должна была вынудить Дж. Мартина и его соавторов, «писателей и ученых постсредневековой эпохи» [22, с. 166], использовать уже сложившиеся формы исторической наррации соответствующего периода, но, вместо этого, структура мартиновских нарративов, имитирующих исторические представления Средних веков, гетерогенна, а сами тексты представляют именно симуляцию. Поэтому, анализируя тексты Дж. Мартина как форму производства исторических нарративов, во внимание следует принимать то, что текст является их классической формой организации текста.

При этом «речь идет не столько об оригинальности предложенной структуры или чьей-либо монополии на ее разработку и применение, сколько о превращении ее в принцип и рутинный формат исторического мышления и организации продуктов его деятельно-

сти – исторических нарративов» [20, с. 116]. Поэтому конструктивистский характер нарратива Дж. Мартина не только фактически является попыткой одновременной деконструкции монополии средневековых книжников создавать свои тексты и исключительного права профессиональных историков-медиевистов их интерпретировать. Мартиновский конструктивизм в отношении имитации нарратива фактически можно определить как проявление «постсредневекового интереса к средневековым явлениям» [47, р. 39].

С одной стороны, первой компонентой такой практики конструирования текста стала попытка передать хронологический принцип восприятия и изложения истории, поставив последнюю в зависимость от сроков правления королей. В этом отношении воображаемый мартиновский хронист мало чем отличается от средневековых авторов, позволяя, правда, себе больше подробностей фривольного характера. Поэтому, вероятно, прав Р. Утц, полагающий, что подобные тексты только воспроизводят «репрезентации, в которых разработанные в прежние годы рецептивные модели становятся основаниями для новых, лишь выглядящих и звучащих “посредневековому”, представлений» [22, с. 167]. В этой ситуации средневековье в текстах Дж. Мартина, имитирующих средневековую наррацию, «представляют собой не некое «объективное» явление, но инструмент мышления европейских интеллектуалов», для которых образы Средних веков являются «способом рассуждения о современности» [5, с. 170].

При этом, как полагает А.И. Филюшкин, «людей в прошлых эпохах интересует не только средневековье» [23, с. 156], но практически никто из современных интеллектуалов не имитирует формы исторической наррации нового времени или социализма, в то время как интерес к Средневековью остается стабильным, что и стимулирует современную массовую культуру симулировать средневековые формы нарратива. Последние актуализируют фронтальный характер текста между «высокой» и «низкой» культурами. С другой, текст Дж. Мартина актуализируют свой характер как конструкта, если принять во внимание, что хронологически

мотивированное изложение событий сочетается с вкраплениями текстов, имеющих явный сюжет и самостоятельные культурные и содержательные особенности. Именно последнее выделяет мартиновский текст как постмодернистский, где средневековое редуцировано не более чем до фона конструкции авторских нарративов, передающих представление о прошлом в рамках современного общества потребления.

Перефразируя предположение Ф. Анкерсмита о том, что нарративные интерпретации представляют собой не знание, но организацию знания [1], мы можем предположить, что попытки Дж. Мартина и его соавторов описать воображаемое прошлое конструируемого ими мира являются не его историей, но стремлением к организации представлений о ней. Это наше допущение об эклектичности текстов Дж. Мартина вовсе не отрицает того, что и средневековые тексты имели сюжет. Практики и приемы конструирования последнего отличны в текстах Дж. Мартина и средневековых авторов.

Если средневековый нарратив мог привязывать сюжетность, интегрируя ее в восприятие времени, редуцируемого для событий, привязанным к конкретным датам или имеющим весьма условную периодизацию, то мартиновская наррация сочетает хронологическую последовательность с сюжетной событийностью, что выдает в нем текст-конструкт. Эта особенность мартиновской наррации проявляется также в ее многоуровневом характере, представленном пространственными ссылками на другие источники, что фактически актуализирует постмодернистский характер анализируемых текстов, основанных на интертекстуальности, цитатности и пастише как системных характеристиках организации текста в рамках постмодернистской модели.

Герой нарратива. Четвертый элемент организации текста – сложный характер «героя» исторического процесса, который может быть представлен целыми этническими группами (народами и племенами), государственными образованиями (королевствами), династиями или отдельными историческими фигурами, представленными королями, лордами или людьми «второго плана».

Среди таких коллективных этнических героев исторического дискурса – андалы и валирийцы, которые в представлениях «средневекового» автора Дж. Мартина превратились в воображенные сообщества и места памяти. В этом отношении исторический нарратив, имитируемый Дж. Мартином, в определенной степени жанрово и содержательно близок к новому жанру исторических сочинений – истории народов, который был связан со «становлением средневекового историонаписания» [17]. Основными героями имитируемого исторического нарратива становятся короли. Поэтому структура нарратива выстраивается именно вокруг фигур монархов, а их смелость воспринимается как смысл исторического процесса: «шестнадцать Таргариенов всходили на Железный Трон вслед за Эйегоном Драконом, пока Восстание Роберта не пресекло их династию, были среди них правители мудрые и глупые, добрые и жестокие, хорошие и дурные, но по вкладу их в законы и государственное устройство как в мирные, так и военные времена имя Эйегона I должно вписать во главу листа» [11, с. 51].

В этом отношении Дж. Мартин и его соавторы успешно имитируют средневековые формы исторического воображения и нарратив как основу его функционирования. Усилиями Дж. Мартина в нашем распоряжении текст, явно написанный в рамках политического заказа, направленного на формирование коллективной идентичности, хотя основой последней было стремление к легитимации правящей династии, а не политических институтов. Поэтому, к воображаемому Дж. Мартину средневековому обществу представляется вполне применимым предположение, что именно «элиты (прежде всего они были реальной и потенциальной аудиторией самых разных исторических сочинений) начинают формировать свою память на иных основаниях, у них появляется так называемая письменная, записанная память. Они начинают оперировать текстами больше, чем устной традицией» [16]. Именно функция вытеснения и маргинализации истории как устного рассказа приписывалась тексту, который Дж. Мартин и его соавторы позиционируют в качестве источника по истории Семи Королевств.

Примечательно, что «герои», фиксируемые в конструируемом нарративе Дж. Мартина, лишены каких бы то ни было ярких и экспрессивных проявлений и элементов религиозности, что отличает мартиновскую нарративную историю от реальных средневековых источников, которые актуализируют проявления преимущественно традиционной, то есть религиозной, идентичности. Единственным исключением является эпизод, связанный с эпидемией горячки, когда «Эйегон весь день навещал больных, сидел с ними, держал их за руки, охлаждал их горячие лбы мокрой тканью. Сам не говоря почти ничего, он выслушивал их истории, мольбы о прощении... почти все они умерли, но выжившие приписывали свое исцеление чудотворным рукам короля» [12, с. 271–272], что является явной аллюзией на развитие политической мифологии королевской власти в средневековой Франции.

В этом отношении герои Дж. Мартина, как отдельные личности, так и целые общества, практически не актуализируют религиозной идентичности, что актуализирует имитационный характер производимого им нарратива. В целом имитация вошла в число самых распространенных приемов литературы постмодернизма [37], но если другие писатели-постмодернисты имитировали классические и современные тексты, то американский автор предпринял попытку имитации средневековой формы нарратива. Современный медиевализм склонен имитировать средневековые формы нарратива, будучи отягощенным современным опытом развития как национализма, так и современных идентичностей [44], которые в средние века не существовали.

Имитация средневековой нарративной истории, анализируемая в данной статье, может восприниматься как реакция на качественно и содержательно другие нарративы, которые обслуживали проект современности и формировали модусы ее как стороннего описания, так и самоописания. Поэтому имитация средневековой формы «рассказывания» историй в рамках современного медиевализма стала воплощением «потребности в красивых легендах о прошлом, в романтическом восприятии древних времен, в красочных благородных героях прошлого и т.д.» [23, с. 154].

Появление текстов Дж. Мартина актуализировало ситуацию гетерогенных представлений о средневековье, когда «медиевисты взаимодействуют со средневековой культурой» [25, с. 44] одновременно с писателями, формирующими канон массовой культуры. Поэтому имитируемый нарратив получается чрезвычайно современным. В такой интеллектуальной ситуации описываемые им общества практически не знали периодов религиозной экзальтации, а воображаемые короли далеки от религиозного фанатизма, который был характерен для некоторых средневековых монархов. Кроме этого особое место в числе героев исторической наррации принадлежит представителям династии Маргаринов, образы которых частично оригинальны, но преимущественно представляют собой проекции исторического опыта средневекового Запада.

Особенность развития нарратива Дж. Мартина в части, касающейся героев, состоит в сочетаемости великих лидеров и тех королевств, с которыми они ассоциируются. Распределение таких героев исторического нарратива в текстах Дж. Мартина, неравномерно и, подобно реальным историческим источникам, представители социальных низов и народной культуры попадают на страницы источников реже, чем привилегированные сословия и проявления их формально «высокой» культуры. Формально средневековый нарратив текстов Дж. Мартина становится жертвой модернизации, намеренного и принудительного приближения к современным культурным реалиям, так как анализируемые произведения «больше говорят внимательному читателю или зрителю о культуре и самосознании современности, чем о самом Средневековье» [14, с. 31].

В этом контексте медиевальный имитируемый исторический нарратив можно воспринимать как рассказ о современности и уже потом как текст, конструирующий риторику и стилистику средневекового исторического нарратива. Подобная иерархия героев мартинового нарратива, которых корректнее определять как акторов, свидетельствует о том, что конструируемый воображаемым автором текст фиксирует существование общества, которое уже начало изменяться и трансформироваться, подвергаясь постепенной нацио-

нализации, переходу от верности династии как основы государства к идее современного государства, основанного на других идентичностях, которым нужны иные носители.

«Другой» в нарративе. Пятый компонент функционирования «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина представлен образами Другого. Анализируя эту особенность нарративной организации текста, во внимание необходимо принимать то, что Другость в анализируемых произведениях в значительной степени отличается от аналогичных пластов реальных средневековых произведений.

Эта ситуация актуализирует особенности имитации средневекового нарратива в современной культурной ситуации, определяемой некоторыми интеллектуалами в категориях «современного Средневековья» [29, р. 33] или «Средневековья после Средневековья» [45]. Основное отличие проявляется в том, что образы Другого более разнообразны и не ограничиваются только и исключительно актуализацией религиозной инаковости. В этом отношении тексты Дж. Мартина и его соавторов актуализируют свой симуляционный и имитативный характер, так как средневековы они только по форме, по некоторым легко узнаваемым образам, в то время, как в остальном дискурс мартиновской прозы принадлежит к литературе общества, четко разделенного идеологическими и национальными границами, которые были не столь ярко выражены в средневековом нарративе, актуализирующим проявления преимущественно традиционной, домодерной, то есть религиозной идентичности.

Заключение

Во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с функционированием и воспроизводством фактически альтернативных, проанализированных выше, исторических нарративов в современной массовой культуре общества потребления, которое свой запрос на обладание прошлым реализует не через обращение к историографии путем ее ассимиляции, но, изобретая собственные формы воображения истории, основанные как на ассимиляции, так

и симуляции тех нарративных приемов, которые используются для изучения и описания истории средневекового Запада.

Воспроизводство средневекового исторического нарратива в анализируемых текстах конструирует весьма условный «средневековый» текст, что позволяет интерпретировать его одновременно в категориях конструкции, деконструкции, ассимиляции, симуляции и имитации. Тексты Дж. Мартина формально выдержаны в стилистике средневекового нарратива. Эти произведения могут быть отнесены к числу текстов-конструкторов, так как авторы фактически конструируют собственные версии истории обществ, которые, как и эти социумы, со значительной долей условности, могут быть определены как «средневековые».

Вместе с тем исторический нарратив Дж. Мартина – это и деконструкция, так как его проза предлагает такие версии средневековья, которые основаны на деконструкции как академического облика, так и тех Средних веков, ранее предлагавшихся как высокой так и массовой культурой. Деконструкция подобного плана неизбежно влечет и институционализация альтернативного конструкта, представленного «историческими» нарративами, доминирующими в изучаемых текстах. Такие нарративы, которые формируют основу исторического повествования в текстах Дж. Мартина, мы можем рассматривать и как ассимиляцию одновременно и академической медиевистики, и массового культурного медиевализма, так как американский автор создал свои тексты в условиях мощного влияния со стороны этих сегментов культуры.

Тексты Дж. Мартина представляют собой попытку ренарративизации представлений о прошлом, которые существуют в рамках современного общества. Сочетание такой модели продвижения нарратива вместе с его визуализацией, представленной относительной успешным сериалом «Игра Престолов», актуализируют доступность и понятность как основные сущностные характеристики исторического нарратива в обществе потребления, которому собственно история необходима в меньшей степени, чем упрощенные и визуализированные «рассказы» о ней. В такой ситуации констру-

ирования текстов, формально выдержанных в стилистике средневековых нарративов, но фактически далеких от них, подготовленный читатель замечает миксацию модусов выстраивания нарратива. Логично предположить, что Дж. Мартин и его соавторы к имитации средневекового текста подошли весьма непоследовательно.

С одной стороны, тексты-конструкты не выдержаны в стилистике хроник или анналов, так как их нарратив не линейен, не хронологичен и упорядочен на качественно иных основаниях. С другой, мартиновская имитация средневековой модели наррации в большей степени близка текстам позднего Средневековья или ранней Современности, когда европейские интеллектуалы выстраивали не просто хронологически выверенный в соответствии с линейной периодизацией истории нарратив, но и формировали более сложные нарративные структуры, претендующие на формирование обобщающих версий прошлого, которое подвергается социологизации и экономизации. Поэтому имитация средневековой наррации в событийном контексте в сочетании с периодически встречающимися в текстах Дж. Мартина попытками их интерпретации в контекстах социальной истории с «примеркой» к ним дефиниции «феодализм» и его производных указывают на синтетический характер авторского нарратива, раскрывая автора одновременно в нескольких ипостасях – от конструктора / деконструктора до имитатора и фальсификатора.

Если мартиновские средневековые нарративы могут быть определены и описаны в упомянутых выше категориях, то мы можем рассмотреть их также через призму симуляции и имитации, так как рассматриваемые тексты, с одной стороны, симулируют средневековые и современные подходы к историописанию, а, с другой, имитируют описание и анализ социальных и политических институций, характерных для средневековых обществ. Именно эти качества, характерные для изучаемых текстов, актуализируют их качества и характеристики конструктов и фальсификатов, так как Дж. Мартин и его соавторы, сознательно или нет, смешивают традиционные и современные модусы исторического воображения.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Шесть тезисов нарративной философии истории // Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 115-130.
2. Асейнов Р.М. Политическая мифология и проблема самоопределения Бургундии в XV в. // Средние века. 2007. Т. 68. № 3. С. 80-101.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Бобкова М.С., Мереминский С.Г., Сидоров А.И. «Средневековья никогда не существовало» // Средние века. 2017. Т. 78. № 4. С. 177-182.
5. Бойцов М.А. Средневековье — в «реальности» или только в нашем сознании? // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2, No 5. С. 169-178.
6. Водолазкин Е.Г. Поющий в степи // Как мы пишем: писатели о литературе, о времени, о себе: очерки. СПб., 2018. С. 128-143.
7. Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Исторический дискурс и национальные нарративы // Ученые Записки Казанского Университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Т. 161. Кн. 5-6. С. 166-173.
8. Кильдюшов О. Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов». Чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2020. № 1. С. 139-159.
9. Кирчанов М.В. Медиевализм: изобретение традиции (множественные Средневековья интеллектуальной истории 19-21 веков: от литературной “классики” к массовой культуре). Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021. 136 с.
10. Ковалев В. Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура // Vox Medii Aevi. 2018. № 1. С. 14-28.
11. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.1. От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III. М.: АСТ, 2018. 384 с.
12. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.2. От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III. М.: АСТ, 2019. 384 с.
13. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 157-173.

14. Русанов А.В. Medievalism studies: как изучается «современное Средневековье»? // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2. № 5. С. 12-42.
15. Сидоров А. Как понимали время в эпоху Каролингов? Каролингская анналистика // *ПостНаука*. 2017. 11 января. <https://postnauka.ru/video/71430>
16. Сидоров А. Какие жанры историописания были популярны в Средние Века? Каролингское историописание // *ПостНаука*. 2017. 7 марта. <https://postnauka.ru/video/73561>
17. Сидоров А. Какие книги входили в список Кассиодора? Зарождение средневекового историописания // *ПостНаука*. 2017. 22 февраля. <https://postnauka.ru/video/72674>
18. Сидоров А.И. В поисках исчезающего времени (к вопросу о феномене средневековой анналистики) // *Средние века*. 2018. Т. 79. № 3. С. 15.
19. Стризов А.Л. Исторический текст как научный нарратив // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. «История»*. 2012. № 2 (22). С. 172-178.
20. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании : о перспективах использования нарратологии // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 4. № 3. С. 113-135.
21. Уваров П.Ю. От “incastellamento” до “inecclesiamento”: церковь, власть и территория в средневековой Франции // *Средние века*. 2018. Т. 79. № 3. С. С. 50-73.
22. Утц Р. Дивные новые медиевлизмы // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 1. С. 164-172.
23. Филюшкин А.И. Медиевализм: почему нам нужны средние века // *Историческая экспертиза*. 2018. № 4. С. 153-162.
24. Шатин Ю. Исторический нарратив в мифологии XX столетия // *Критика и семиотика*. 2002. Вып. 5. С. 100-108.
25. Язык С.А. Стоять на глыбе слова «медиевализм» // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2. No 5. С. 43–47.
26. An Evening with George R. R. Martin. Chicago Humanities Festival. October 11, 2019. <https://www.youtube.com/watch?v=IfIpY0eEA84>
27. Attali M. Religious Violence in Game of Thrones: An Historical Background from Antiquity to the European Wars of Religion // *Game of*

- Thrones versus History: Written in Blood / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017. P. 185-194.
28. Bloch H. Rethinking the New Medievalism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 288 p.
29. Cardini F. Medievisti «di professione» e revival neomedievale // *Quaderni medievali*. 1986.No 21. P. 33-52.
30. Carroll Sh. Medievalism in a Song of Ice and Fire and Game of Thrones. NY.: Boydell & Brewer, 2017. 192 p.
31. Carroll Sh.R. George R. R. Martin's Quest for Realism in A Song of Ice and Fire // *Medievalists*. 2013. May. <https://www.medievalists.net/2013/05/george-r-r-martins-quest-for-realism-in-a-song-of-ice-and-fire/>
32. Chance J. Tolkien the Medievalist. L. – NY.: Routledge, 2008. 312 p.
33. Clasby D. Coexistence and Conflict in the Religions of Game of Thrones // *Game of Thrones versus History: Written in Blood* / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017. P. 195-208.
34. Cowlshaw B. What Maesters Knew: Narrating Knowing // *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* / eds. S. Johnston, J. Battis. NY: McFarland, 2015. P. 57-70.
35. Fay E. Romantic Medievalism: History and the Romantic Literary Ideal. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2002. 241 p.
36. Finn K. Game of Thrones is Based in History – Outdated History // *Public Medievalist*. 2019. May 16. <https://www.publicmedievalist.com/thrones-outdated-history/>
37. Goldberg H.D. Imitation as a narrative function: anything you can do I can do better // *Romance Philology*. 1999. Vol. 52. No 2. P. 23-36.
38. Guenée B. Histoire et culture historique dans Occident médiéval. Paris: Aubier-Montaigne, 1980. 447 p.
39. Kreiswirth M. Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences // *New Literary History*. 1992. Vol. 23. No 3 (History, Politics, and Culture). P. 629-657.
40. Kyrchanoff M.W. Historical grand narratives of the Seven kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional medieval historiography // *Journal of Frontier Studies*. 2018. No 1. P. 17-46.

41. Larrington C. Game of Thrones and Medieval Studies – Ten Years On // *Medievalists*. 2021. February. <https://www.medievalists.net/2021/02/game-thrones-medieval-studies/>
42. Martin G. *Fire and Blood*. NY.: Bantam Books, 2018. 736 p.
43. Martin G., Antonsson L., Garcia E. *The World of Ice & Fire: the Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Bantam: Bantam: Harper Voyager, 2014. 326 p.
44. Morgan G.A. *Medievalism, Authority, and the Academy // Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s) / ed. K. Fugelso*. NY.: Boydelland Brewer, 2009. P. 55-67.
45. Musci E. *Nuvole di Medioevo. Il paesaggio (immaginario e storico) fumetti a sfondo medievale // Il paesaggio agrario italiano medievale. Storia e didattica. Summer school Emilio Sereni, 24–29 agosto 2010 / ed. G. Bonini, A. Brusa, R. Cervi, E. Garimberti*. Roma: Gattatico, 2011. P. 293-310.
46. O'Connor R. *Fire and Blood, George R. R. Martin, review: New Game of Thrones book is exhaustive but often tedious // Independent*. 2018. November 20.
47. Petersen N. *Medievalism and Medieval Reception: A Terminological Question // Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s) / ed. Karl Fugelso*. NY.: Boydelland Brewer, 2009. P. 36-44.
48. Polack G. *Medieval Reads: Maurice Druon and George RR Martin – two sides of a coin? // Medievalists*. 2020. September. <https://www.medievalists.net/2020/09/maurice-druon-george-martin/>
49. *Rethinking the New Medievalism / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. VIII, 280 p.
50. Rifkin H. *Review: Fire and Blood by George R. R. Martin — a dire prequel to Game of Thrones // The Times*. 2018. November 17.
51. Riggs D. *Continuity and Transformation in the Religions of Westeros and Western Europe // Game of Thrones versus History: Written in Blood / ed. Brian A. Pavlac*. NY: Wiley-Blackwell, 2017. P. 173-184.
52. Robinson C. L., Clements P. *Living with Neomedievalism // Studies in Medievalism(s)*. 2009. No 18. P. 55-75.

53. Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. 1979. No 75. P. 3-24.
54. Utz R. Medievalism: A Manifesto. Kalamazoo – Bradford: ARC Humanities Press, 2017. 107 p.
55. Utz R. Should medievalists be teaching Game of Thrones? // Medievalists. 2019. April. <https://www.medievalists.net/2019/04/should-medievalists-be-teaching-game-of-thrones/>

References

1. Ankersmit F. Shest' tezisov narrativnoy filosofii istorii [Six theses of the narrative philosophy of history]. Ankersmit F. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory* [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. M.: Progress – Traditsiya, 2003, pp. 115-130.
2. Aseyunov R.M. Politicheskaya mifologiya i problema samoopredeleniya Burgundii v XV v. [Political mythology and the problem of self-determination of Burgundy in the 15th century]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2007, vol. 68, no 3, pp. 80-101.
3. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975, 504 p.
4. Bobkova M.S., Mereminskiy S.G., Sidorov A.I. «Srednevekov'ya nikogda ne sushchestvovalo» [“The Middle Ages never existed”]. *Sredniye Veka* [Middle Ages], 2017, vol. 78, no. 4, pp. 177-182.
5. Boytsov M.A. Srednevekov'ye — v «real'nosti» ili tol'ko v nashem soznanii? [The Middle Ages - in “reality” or only in our minds?]. *Vox medii aevi*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 169-178.
6. Vodolazkin Ye.G. Poyushchiy v stepi [Singing in the steppe]. *Kak my pishem: pisateli o literature, o vremeni, o sebe: ocherki* [How we write: writers about literature, about time, about themselves: essays]. SPb., 2018, pp. 128 – 143.
7. Gizatova G.K., Ivanova O.G. Istoricheskiy diskurs i natsional'nyye narriativy [Historical discourse and national narratives]. *Uchenyye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Scientific Notes of Kazan University. Series “Humanities”], 2019, vol. 161, no. 5-6, pp. 166-173.

8. Kil'dyushov O. Sotsial'nyy poryadok i politicheskaya teologiya v «Igre prestolov». Chem kul'tovyy serial interesen dlya teoreticheskoy sotsiologii [Social order and political theology in the Game of Thrones. Why is the cult series interesting for theoretical sociology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2020, no. 1, pp. 139-159.
9. Kirchanov M.V. *Mediyevalizm: izobreteniyе traditsii (mnozhestvennyye Srednevekov'ya intellektual'noy istorii 19 – 21 vekov: ot literaturnoy "klassiki" k massovoy kul'ture)* [Medievalism: the invention of tradition (multiple Middle Ages of intellectual history of the 19th - 21st centuries: from literary "classics" to popular culture)]. Voronezh: «RITM», 2021, 136 p.
10. Kovalev V. Igra na prestole: ritually vlasti v Sredniye veka i sovremennaya kul'tura [Game on the throne: rituals of power in the Middle Ages and modern culture]. *Vox Medii Aevi*. 2018, No 1. pp. 14 – 28.
11. Martin G. *Plamya i krov'. T.1. Ot Eyyegona I Zavoyevatelya do regentstva pri Eyyegone III* [Fire and Blood. Vol.1. From Aegon I the Conqueror to the regency under Aegon III]. M.: AST, 2018. 384 p.
12. Martin G. *Plamya i krov'. T.2. Ot Plyaski Drakonov do Dnya sovershennoletiya Eyyegona III* [Fire and Blood. T.2. From the Dance of Dragons to Aegon III's Coming of Age]. M.: AST, 2019, 384 p.
13. Mishalova Ye.V. Istoricheskiy narrativ kak forma organizatsii i reprezentatsii istoricheskogo znaniya [Historical narrative as a form of organization and representation of historical knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2012, no. 1, pp. 157-173.
14. Rusanov A.V. Medievalism studies: kak izuchayetsya «sovremennoye Srednevekov'ye»? [Medievalism studies: how is the “modern Middle Ages” studied?]. *Vox medii aevi*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 12-42.
15. Sidorov A. Kak ponimali vremya v epokhu Karolingov? Karolingskaya annalistika [How was time understood in the era of the Carolingians? Carolingian annalistics]. *PostNauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/71430>
16. Sidorov A. Kakiye zhanry istorionapisaniya byli populyarny v Sredniye Veka? Karolingskoye istoriopisaniye [What genres of historical writing

- were popular in the Middle Ages? Carolingian historiography]. *Post-Nauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/73561>
17. Sidorov A. Kakiye knigi vkhodili v sposok Kassiodora? Zarozhdeniye srednevekovogo istoriopisaniya [What books were included in the collection of Cassiodorus? The origin of medieval historiography]. *Post-Nauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/72674>
 18. Sidorov A.I. V poiskakh ischezayushchego vremeni (k voprosu o fenomene srednevekovoy annalistiki) [In Search of Disappearing Time (On the Phenomenon of Medieval Annals)]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2018, vol. 79, no. 3, pp. 14-43.
 19. Strizoye A.L. Istoricheskiy tekst kak nauchnyy narrativ [Historical text as a scientific narrative]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. «Istoriya»* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. „History“], 2012, no. 2, pp. 172-178.
 20. Syrov V.N. Narrativ v istoricheskom poznanii : o perspektivakh ispol'zovaniya narratologii [Narrative in historical knowledge: on the prospects for the use of narratology]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2020, vol. 4, no. 3, pp. 113-135.
 21. Uvarov P.YU. Ot “incastellamento” do “inecclesiamento”: tserkov', vlast' i territoriya v srednevekovoy Frantsii [From “incastellamento” to “inecclesiamento”: church, power and territory in medieval France]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2018, vol. 79, no. 3, pp. 50-73.
 22. Utz R. Divnyye novyye mediyevlizmy [Marvelous New Medievalisms]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2018, no. 1, pp. 164-172.
 23. Filyushkin A.I. Mediyevalizm: pochemu nam nuzhny sredniye veka [Medievalism: why we need the Middle Ages]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2018, no. 4, pp. 153-162.
 24. Shatin Yu. Istoricheskiy narrativ v mifologii XX stoletiya [Historical narrative in the mythology of the twentieth century]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2002, no. 5, pp. 100-108.
 25. Yatsyk S.A. Stoyat' na glybe slova «mediyevalizm» [To stand on a block of the word “medievalism”]. *Vox medii aevi*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 43-47.

26. *An Evening with George R. R. Martin. Chicago Humanities Festival, October 11, 2019.* <https://www.youtube.com/watch?v=IfIpY0eEA84>
27. Attali M. Religious Violence in Game of Thrones: An Historical Background from Antiquity to the European Wars of Religion. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017, pp. 185-194.
28. Bloch H. *Rethinking the New Medievalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014, 288 p.
29. Cardini F. Medievisti «di professione» e revival neomedievale. *Quaderni medievali*, 1986, no. 21, pp. 33-52.
30. Carroll Sh. *Medievalism in a Song of Ice and Fire and Game of Thrones*. NY.: Boydell & Brewer, 2017, 192 p.
31. Carroll Sh.R. George R. R. Martin's Quest for Realism in A Song of Ice and Fire. *Medievalists*. 2013. May. <https://www.medievalists.net/2013/05/george-r-r-martins-quest-for-realism-in-a-song-of-ice-and-fire/>
32. Chance J. *Tolkien the Medievalist*. L. – NY.: Routledge, 2008, 312 p.
33. Clasby D. Coexistence and Conflict in the Religions of Game of Thrones. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017, pp. 195-208.
34. Cowlshaw B. What Maesters Knew: Narrating Knowing. *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* / eds. S. Johnston, J. Battis. NY: McFarland, 2015, pp. 57-70.
35. Fay E. *Romantic Medievalism: History and the Romantic Literary Ideal*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2002, 241 p.
36. Finn K. Game of Thrones is Based in History – Outdated History. *Public Medievalist*, 2019. May 16. <https://www.publicmedievalist.com/thrones-outdated-history/>
37. Goldberg H.D. Imitation as a narrative function: anything you can do I can do better. *Romance Philology*, 1999, vol. 52, no. 2, pp. 23 – 36.
38. Guenée B. *Histoire et culture historique dans Occident médiéval*. Paris: Aubier-Montaigne, 1980, 447 p.
39. Kreiswirth M. Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*, 1992, vol. 23, no. 3 (History, Politics, and Culture), pp. 629-657.

40. Kyrchanoff M.W. Historical grand narratives of the Seven kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional medieval historiography. *Journal of Frontier Studies*, 2018, no 1, pp. 17-46.
41. Larrington C. Game of Thrones and Medieval Studies – Ten Years On. *Medievalists*, 2021. February. <https://www.medievalists.net/2021/02/game-thrones-medieval-studies/>
42. Martin G. *Fire and Blood*. NY.: Bantam Books, 2018, 736 p.
43. Martin G., Antonsson L., Garcia E. *The World of Ice & Fire: the Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Bantam: Bantam: Harper Voyager, 2014, 326 p.
44. Morgan G.A. Medievalism, Authority, and the Academy. *Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s)* / ed. K. Fugelso. NY.: Boydelland Brewer, 2009, pp. 55-67.
45. Musci E. Nuvole di Medioevo. Il paesaggio (immaginario e storico) fumetti a sfondo medievale. *Il paesaggio agrario italiano medievale. Storia e didattica. Summer school Emilio Sereni, 24–29 agosto 2010* / ed. G. Bonini, A. Brusa, R. Cervi, E. Garimberti. Roma: Gattatico, 2011, pp. 293-310.
46. O'Connor R. Fire and Blood, George R. R. Martin, review: New Game of Thrones book is exhaustive but often tedious. *Independent*, 2018. November 20.
47. Petersen N. Medievalism and Medieval Reception: A Terminological Question. *Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s)* / ed. Karl Fugelso. NY.: Boydelland Brewer, 2009, pp. 36-44.
48. Polack G. Medieval Reads: Maurice Druon and George RR Martin – two sides of a coin?. *Medievalists*, 2020. September. <https://www.medievalists.net/2020/09/maurice-druon-george-martin/>
49. *Rethinking the New Medievalism* / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglino-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014, VIII, 280 p.
50. Rifkin H. Review: Fire and Blood by George R. R. Martin – a dire prequel to Game of Thrones. *The Times*, 2018. November 17.
51. Riggs D. Continuity and Transformation in the Religions of Westeros and Western Europe. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017, pp. 173-184.

52. Robinson C. L., Clements P. Living with Neomedievalism. *Studies in Medievalism(s)*, 2009, no. 18, pp. 55 – 75.
53. Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History. *Past and Present*, 1979, no 75, pp. 3 – 24.
54. Utz R. *Medievalism: A Manifesto*. Kalamazoo – Bradford: ARC Humanities Press, 2017, 107 p.
55. Utz R. Should medievalists be teaching Game of Thrones? *Medievalists*, 2019. April. <https://www.medievalists.net/2019/04/should-medievalists-be-teaching-game-of-thrones/>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета
*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская, 16, 394000, г. Воронеж, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies of the Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of the Faculty of History
*Voronezh State University
16, Pushkinskaya, Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>*

Поступила 17.08.2022

После рецензирования 30.08.2022

Принята 05.09.2022

Received 17.08.2022

Revised 30.08.2022

Accepted 05.09.2022